

Ограничения автономии воли сторон в выборе применимого права в экономических отношениях, осложненных иностранным элементом

Аннотация. Принцип автономии воли сторон является основополагающим принципом международного частного права, а также основной, предпочтительной, коллизионной привязкой, обеспечивающей сторонам правоотношения полное и предвидимое правовое регулирование и избавляющей суд от необходимости непосредственного решения коллизионного вопроса и сопутствующих ему правовых проблем. Непризнание *lex voluntatis* со стороны государств чревато торможением развития как внутригосударственной, так и мировой экономики, но одновременно и отсутствие ограничений частноправового принципа неизбежно приведет к недобросовестному поведению субъектов экономической деятельности, злоупотреблению правами и нарушению баланса частных и публичных интересов в обществе. Необходимы достаточные ограничения автономии воли сторон в выборе применимого права, позволяющие добиться «золотой середины» в правовом регулировании отношений, осложненных иностранным элементом, ими выступает совокупность временных, пространственных и содержательных пределов рассматриваемого принципа.

Ключевые слова: *lex voluntatis*, принцип автономии воли сторон, выбор применимого права, свобода договора, пределы автономии воли, критерии выбора применимого права, временные пределы автономии воли, последующий выбор права, пространственные пределы автономии воли, *lex mercatoria*, абсолютная и относительная автономия воли, содержательные пределы, обход закона, создание видимости правомерности, императивные нормы, публичный порядок.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.91.6.153-161

Согласно статистическим данным, изложенным в Докладах о развитии и торговле Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) 2016 и 2017 гг.¹, рост объемов мировой торговли ежегодно замедляется на несколько процентов.

¹ Доклад ЮНКТАД о развитии и торговле 2016 года // URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2016_ru.pdf ; Доклад ЮНКТАД о развитии и торговле 2017 года // URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdr2017overview_ru.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

© Рожкова К. О., 2018

* Рожкова Ксения Олеговна, младший юрист коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры» г. Москвы
k.rozhkova@gmail.com
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

Процесс протекает на фоне неустойчивой мировой экономики и негативных политических событий, но и при такой обстановке на высоком уровне сохраняются процессы глобализации и интеграции. В такой непростой и отчасти противоречивой ситуации право становится инструментом политики, от которого во многом зависит положение государств на мировой арене. Чуткое правовое регулирование, позволяющее создать и сохранить необходимый баланс частных и публичных интересов, становится необходимостью.

Экономические отношения, осложненные иностранным элементом, попадают «в гущу событий», так как для развития мировой торговли хозяйствующим субъектам необходима экономическая свобода, которую государства могут предоставить лишь в ограниченных пределах, исходя из того, что в отсутствие установленных границ право превращается в произвол, а частное право и его основные принципы никогда не были абсолютны².

Принцип автономии воли сторон в выборе применимого права к отношениям, осложненным иностранным элементом, дает сторонам максимальную правовую и экономическую свободу, но при этом по указанным выше причинам нуждается в ограничениях.

Объем ограничений, налагаемых на хозяйствующих субъектов при выборе применимого права, и механизм их реализации зависят от многих факторов, но в большей степени — от сложившейся в государстве правовой и политической системы. Например, в англо-американской правовой системе выбор права субъектами сделки должен быть добросовестным и законным (прецедентная позиция закреплена в решении Судебного комитета тайного совета Великобритании от 30.01.1939 по делу *vita Food Products Inc v Unus Shipping Co Ltd*³). То есть выделяются два ограничивающих крите-

рия: (1) объективный — соответствие выбора требованиям закона; и (2) субъективный — добросовестность сторон (надо заметить, что в доктрине частного права отмечается двоякая правовая природа принципа добросовестности: выделяется объективная и субъективная добросовестность⁴, но в рамках данной статьи под данным термином будет пониматься субъективное ограничение воли, когда стороны, действуя разумно, честно и порядочно, осуществляют выбор применимого права с целью наиболее полного правового регулирования своих отношений, а не злоупотребления правом).

В то же время в некоторых странах исламской правовой семьи (например, в Иране)⁵ автономия воли сторон в выборе применимого права в принципе не признается, т.е. ограничение является объективным и абсолютным, и при сравнении ограничений, налагаемых этими двумя правовыми системами, разница в их объеме и характере очевидна.

Сравнительно-правовой анализ доктринальных и законодательных источников различных стран, а также российской и международной правоприменительной практики позволяет провести выделение и иных ограничений, встречающихся в международном частном праве (далее — также МЧП) в отношении принципа автономии воли сторон.

1. ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ

Цель выбора применимого права — обеспечить наиболее полное, «предсказуемое» и желательное для сторон правовое регулирование соответствующего договора. Исходя из этого, стороны могут реализовать свое право на выбор в любой момент существования договорных отношений.

² Суханов Е. А. Российское гражданское право : в 2 т. М., 2016. Т. 1. С. 55, 57.

³ Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право : учебник для магистров, 4-е изд. М., 2013. С. 173.

⁴ Zimmermann R., Whittaker S. Good Faith in European Contract Law. Cambridge, 2000. P. 30.

⁵ Андреева О. В. Об «автономии» воли в международном частном праве // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. Воронеж, 2013. С. 6—7.

Согласно п. 1 ст. 1210 ГК РФ⁶ «стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору».

Выбор применимого права при заключении договора может реализовываться различными способами, позволяющими третьим лицам объективировать выбор в реальности или с достаточной степенью определенности и достоверности дедуцировать его из поведения сторон или из договора. Аналогичные правила распространяются и на последующий выбор применимого права.

Правило о возможности последующего выбора применимого права так или иначе признается практически всеми развитыми странами мира (см., например, ст. 1112 ГК Казахстана⁷). Соглашение может быть достигнуто после заключения основного договора, в том числе и на стадии судебного разбирательства, но до вынесения судом решения по существу дела⁸.

Действительно, абсолютно нецелесообразно устанавливать применимое право для регулирования договора, прекратившего свое действие, или разрешения спора, по которому уже имеется судебное решение. Такой вывод «поддерживается» рядом стран не только в доктрине и правоприменительных актах, но и на законодательном уровне (например, в ст. 7 Закона Лихтенштейна о МЧП 1996 г.⁹).

Последующее соглашение меняет первоначальный выбор права (например, согласно ст. 76 Закона Румынии 1992 г. применительно к регулированию отношений МЧП № 105¹⁰) и имеет обратную силу, но также имеет границы действия, позволяющие сохранить действительность первоначального договора с точки зрения требований к его форме и добросовестности

сторон по отношению к третьим лицам (ст. 5 Закона Украины о международном частном праве от 23.06.2005 № 2709-IV¹¹).

Если возможность выбора применимого права при заключении договора или в последующем имеет широкое мировое признание как в доктрине, так и на практике, то возможность «предварительного» выбора сторонами применимого права на этапе до возникновения договорных отношений сторон остается под вопросом.

Например, представим гипотетическую ситуацию, когда российское юридическое лицо и белорусское юридическое лицо в течение последних трех лет заключили между собой шесть однотипных контрактов на поставку аналогичных строительных материалов. В пяти из них было указание на то, что они подчиняются российскому праву, а в шестом, последнем, оно отсутствовало. Условия всех поставок и хозяйственной деятельности сторон в целом оставались абсолютно идентичными. Будут ли в таком случае основания полагать, что предшествующая воля сторон определялась практикой сложившихся деловых отношений и распространяется и на последний, шестой, контракт?

Представляется верным дать отрицательный ответ на поставленный теоретический вопрос, поскольку, по мнению автора настоящей статьи, автономия воли является таким институтом частного права, который для признания его наличествующим должен быть выражен и обозначен участниками правоотношения. Иными словами, даже гипотетическая воля сторон должна отвечать критериям минимальной определенности, объективной и субъективной достаточности для ее дедуцирования и признания как третьими лицами, так и самими сторонами правоотношения, и в рассматриваемом гипо-

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2011 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

⁷ Жильцов А. Н., Муранов А. И. Международное частное право: иностранное законодательство. М., 2001. С. 115.

⁸ Канашевский В. А. Международные сделки: правовое регулирование. М., 2016. С. 99.

⁹ Жильцов А. Н., Муранов А. И. Указ. соч. С. 404.

¹⁰ Жильцов А. Н., Муранов А. И. Указ. соч. С. 505.

¹¹ CISG Russia // URL: http://www.cisg.ru/content/download/ipr_ua_rus.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

тетическом казусе применимое к отношениям право должно устанавливаться на основании иных коллизионных привязок.

Таким образом, временные ограничения автономии воли сводятся к тому, что стороны могут согласовать применимое право на любой стадии существования своих договорных отношений, но в любом случае — до вынесения судом решения по существу спора, возникшего из данного договора.

2. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ

Наличие пространственных пределов может быть выведено путем признания за институтом автономии воли сторон абсолютной или относительной правовой природы¹².

Признание неограниченной (абсолютной) автономии воли предполагает возможность выбрать в качестве применимого право любого государства, объективно существующего на момент выбора¹³. Такой критерий не проходит. Например, римское право, являющееся на сегодняшний день значимой, но не подкрепленной государственным суверенитетом, властью и принуждением теоретической конструкцией, правом исчезнувшей империи.

Абсолютная автономия воли сторон признается множеством современных государств и отражается в ряде международных соглашений (например, в Межамериканской конвенции о праве, применимом к международным контрактам¹⁴). Стоит учитывать, что в большинстве случаев абсолютная автономия воли предусмотрена не прямо, а вытекает из смысла нормы

(например, по такому принципу построена ст. 1210 ГК РФ).

Зачастую правоприменителями различных стран даже приветствуется выбор «нейтрального права», поскольку презюмируется, что таким образом сохраняется баланс интересов сторон, так как право третьего государства одинаково не известно всем сторонам сделки¹⁵.

Часть правовых порядков мира предусматривает относительную автономию воли сторон, т.е. выбор применимого права осуществляется среди ограниченного числа допустимых правовых порядков. Истоки такого подхода кроются в теории «естественной оседлости» Ф. К. фон Савиньи¹⁶ и связаны с локализацией отношения в пространстве. Такой подход, в частности, можно встретить в Американской судебной практике и в § 187 Второго Свода конфликтного права США, в соответствии с которым стороны договора должны сделать выбор права, имеющего действительную связь с договором¹⁷.

В странах, где широко развита теория локализации отношений, выбор сторон признается судами лишь в случае его обоснования, но иногда к указанному требованию суды подходят крайне формально. Например, во Франции достаточным обоснованием будет считаться недостижение сторонами соглашения о выборе права, имеющего непосредственную связь с договором, и «вынужденность» подчинить контракт другому праву¹⁸.

Ограничением автономии воли может выступать и «законный интерес» сторон. Л. Раапе, например, отмечает, что выбор права должен основываться на «законном интересе» сторон, но при этом широко трактует данное понятие,

¹² Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. М., 2016. Гл. 29, § 4.

¹³ Канашевский В. А. Указ. соч. С. 106.

¹⁴ Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам, заключенная в г. Мехико 17.03.1994 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Гетьман-Павлова И. В. Указ. соч. С. 175.

¹⁶ Третьяков С. В. Юридическая природа автономии воли в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 38.

¹⁷ Третьяков С. В. Указ. соч. С. 174.

¹⁸ Светланов А. Г. Коллизионное регулирование в сфере внешнеэкономической деятельности // Закон. 1998. № 7. С. 21.

вплоть до приравнивания к нему применения хорошо знакомого сторонам права¹⁹. Фактически таким способом косвенно признается абсолютная автономия воли сторон, но с отголосками локализаторского подхода.

Некоторыми теоретиками дополнительно делается акцент, что не допускается выбор сторонами негосударственного права. Так, нет однозначного мнения о том, возможно ли закрепить в качестве применимого к контракту *lex mercatoria*, зародившегося в Средние века как право торговцев и существующего как международные обычаи, совокупность общих принципов регулирования внешнеэкономических сделок.

В пользу приоритета *lex mercatoria* в регулировании международных экономических сделок выступает его универсальный характер, тогда как за национальным правом сохраняется функция восполнения пробелов в субсидиарном порядке (сторонником такой точки зрения является К. Шмиттгофф²⁰). В данном случае можно даже сказать, что *lex mercatoria* выступает «нейтральным» правовым регулятором по отношению ко всем сторонам отношения.

Противники *lex mercatoria* считают его лишь дополнением к национальным правовым системам (апологет — П. Бергер) и ставят возможность применения системы норм как права в зависимости от происхождения из государственного суверенитета (А. Баттифоль, П. Лагард)²¹. А. С. Комаров приравнивал подчинение отношений *lex mercatoria* к крайнему проявлению правового нигилизма, считая, что оно не разрешает, а усугубляет коллизионную проблему, исключает правовую определенность²².

Подходы, отрицающие или ограничивающие применение ненационального права, являются интересными с теоретической точки зрения, од-

нако их с трудом можно назвать современными и отвечающими текущим процессам и нуждам мировой экономики. На практике же оговорка о регулировании отношений «общими принципами права», *lex mercatoria* или аналогичными положениями²³ активно используется сторонами (например, дело «Bae systems PLC, U.K. vs Ministry of defence and support for armed forces of the Islamic Republic of Iran», рассмотренное Верховным судом Нидерландов в 2015 г.²⁴).

Анализ различных законодательств мира позволил прийти к выводу, что законы не говорят напрямую о возможности выбора *lex mercatoria*, но закрепляют, что суд может разрешать спор на основе норм справедливости (Германия), на основе норм, которые сочтет применимыми (Франция) и т.п. При этом выбор и применение *lex mercatoria* чаще встречается при рассмотрении споров в международных арбитражных институтах, а не в национальных судах, что легко объяснимо, поскольку третейские суды и институты менее связаны с конкретными странами и правовыми системами, их можно назвать «судами мира», и они более свободны в источниках и мотивировках, на которых основывают свои решения.

Таким образом, пространственные пределы автономии воли сторон в выборе применимого права можно свести к возможности или невозможности сторонами выбора любой объективно существующей правовой системы или ненационального права для регулирования своих договорных отношений. При этом справедливо будет отметить, что возможность выделения и использования на практике пространственного предела автономии воли сторон возникла в результате двойственной правовой природы самого института.

¹⁹ Раапе Л. Международное частное право. М., 1960. С. 430.

²⁰ См.: Зыкин И. С. Теория «*Lex mercatoria*» // МЧП. Современные проблемы. М., 1994. С. 400—402.

²¹ Гетьман-Павлова И. В. Указ. соч. С. 90.

²² Комаров А. С. Выбор применимого права в контрактах с фирмами капиталистических стран // Торгово-промышленная палата СССР. Материалы секции права. № 38. М., 1988. С. 63.

²³ UNIDRUA Principles // URL: <https://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2010/translations/blackletter2010-russian.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).

²⁴ UNILEX on CISG and UNIDROIT Principles // URL: <http://www.unilex.info/case.cfm?pid=2&do=case&id=1924&step=Keywords> (дата обращения: 10.10.2017).

3. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ

К содержательным пределам автономии воли стоит отнести то, что: 1) выбор применимого права не должен делаться с целью обхода закона (исключения применения к договору императивных норм права страны, от применения которого стороны отказались посредством автономии воли); 2) что выбор применимого права не должен противоречить публичному порядку государства, где реализуется автономия воли.

1. В отсутствие пространственных пределов и при условии признания за автономией воли абсолютного характера на практике зачастую возникает ситуация злоупотребления правом со стороны участника правоотношения или все необходимые для этого условия и предпосылки, что формируется в обход закона.

Обход закона связан с осознанной волей сторон при помощи применимого права создать привязку правоотношения к желательному правопорядку с целью избежать неблагоприятных последствий императивного правового регулирования страны, объективно имеющей более тесную связь с отношением. Стороны, действуя недобросовестно и злоупотребляя своим правом на автономию воли, создают коллизию законов и иллюзию соблюдения требований законности, правомерного поведения.

А. И. Муранов напрямую отождествляет понятия «обход закона» и «создание видимости правомерности» и определяет их в качестве родовых понятий по отношению к терминам «обман», «злоупотребление правом» и «противоречащие основам правопорядка и нравственности формально допустимые действия», которые выступают формами обхода закона²⁵. Стороны используют механизм выбора права для сокрытия неправомερных действий, что недопустимо с точки зрения начал частного права.

Такой подход представляется емким и заслуживающим широкого признания и распространения в доктрине, поскольку он отражает полную картину практической реальности, в ко-

торой прямая цель обхода закона путем выбора применимого права состоит в маскировке неправомερного поведения под правомерное.

2. Согласно п. 1 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 февраля 2013 г. № 156²⁶ под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), обладающие высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляющие основу экономической, политической, правовой систем государства.

Действия, нарушающие публичный порядок, посягают на суверенитет или безопасность государства, затрагивают интересы больших социальных групп или нарушают конституционные права и свободы частных лиц. Оговорка о публичном порядке имеет более глубокий смысл и серьезные последствия, чем несовпадение основных систем различных государств (ст. 1193 ГК РФ).

Поиск судебной практики с обращением судов к оговорке о публичном порядке, показал ее редкое применение, допустимое лишь в исключительных случаях. Причина может быть в том, что на современном этапе развития многие страны и правопорядки имеют сходные основополагающие начала и нормы, и угроза нарушения публичного порядка путем выбора применимого права к договорным отношениям незначительна и трудно осуществима на практике. С учетом предполагаемых негативных последствий и самого содержания института оговорка о публичном порядке носит скорее политический, нежели правовой характер.

Тем не менее сознательное желание сторон создать искусственную привязку для регулирования договора, нарушающего общественные основы государства, с которым он наиболее тесно связан, явно свидетельствует о недобросовестности участников делового оборота и не может получать правовую защиту или молчаливое одобрение со стороны государства, поскольку подобное неправомερное поведение

²⁵ Муранов А. И. Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве. М., 1999. С. 65.

²⁶ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 № 156 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 5.

посягает не только на основы общества, но и на основы государственности.

Независимо от выбранного применимого права содержательные пределы автономии воли сторон охватывают действие сверхимперативных норм страны суда и государства, имеющих тесную связь с отношением. При этом единая терминология для обозначения таких норм отсутствует: российский законодатель называет их императивными (ст. 1192 ГК РФ), болгарский — повелительными (ст. 46 Кодекса МЧП Болгарии)²⁷, сербский — нормами непосредственного применения (ст. 40 проекта закона о МЧП Республики Сербия)²⁸ и др.

Сверхимперативные нормы тесно связаны с публичным порядком государства, направлены на охрану основ общества, в литературе встречается мнение о том, что императивная оговорка представляет собой позитивный вариант оговорки о публичном порядке²⁹.

Как и во многих иных случаях, построение законодательных норм, содержащих указание на сверхимперативный характер нормы, может быть прямым (в формулировке) или имплицитным (в ее смысле и назначении). Как правило, законом устанавливается обязанность применения собственных императивных норм, тогда как применение императивных норм иностранного

государства является правом суда (например, в ст. 18 и 19 Закона об МЧП Швейцарии)³⁰, поскольку иной подход привел бы к нарушению баланса суверенности государства и концепции международной вежливости.

Оговорки о недопустимости обхода закона в противоправных целях, о публичном порядке и императивная оговорка определяют содержательные границы автономии воли сторон в выборе применимого права и способны устранить действие избранного иностранного права, а также явиться основанием для отказа в признании решения иностранного суда.

Таким образом, ограничения объективно необходимы для нормального функционирования гражданского общества в локальных и глобальных масштабах. При этом необходимо, чтобы выбор применимого права осуществлялся добросовестно, с учетом требований законодательства и временных, пространственных и содержательных пределов. Применение ограничений позволит сузить автономию воли сторон в выборе применимого права до допустимых объемов и обеспечить правовую определенность, эффективность регулирования и объективную возможность контроля со стороны государства, сохраняющего органичный баланс частных и публичных интересов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева О. В. Об «автономии» воли в международном частном праве // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. — Воронеж : Руна, 2013.
2. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право : учебник для магистров. — 4-е изд. — М. : Юрайт, 2013. — 959 с.
3. Гражданское право : учебник : в 2 т. / Алексеев С. С., Алексеева О. Г., Беляев К. П. [и др.] ; под ред. Гонгало Б. М. — М. : Статут, 2016. — Т. I. — 511 с.
4. Жильцов А. Н., Муранов А. И. Международное частное право: иностранное законодательство. — М. : Статут, 2001. — 896 с.
5. Зыкин И. С. Теория «Lex mercatoria» // МЧП. Современные проблемы. — М., 1994.

²⁷ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041701> (дата обращения: 10.10.2017).

²⁸ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики // URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/SE> (дата обращения: 10.10.2017).

²⁹ Гетьман-Павлова И. В. Указ. соч. С. 264.

³⁰ Муранов А. И. Указ. соч. С. 632.

6. *Канашевский В. А.* Международные сделки: правовое регулирование. — М. : Международные отношения, 2016. — 661 с.
7. *Комаров А. С.* Выбор применимого права в контрактах с фирмами капиталистических стран // Торгово-промышленная палата СССР. Материалы секции права. — № 38. — М., 1988.
8. *Раапе Л.* Международное частное право. — М. : Издательство иностранной литературы, 1960. — 607 с.
9. *Светланов А. Г.* Коллизионное регулирование в сфере внешнеэкономической деятельности // Закон. — 1998. — № 7.
10. *Суханов Е. А.* Российское гражданское право : в 2 т. — М. : Статут, 2016. — Т. 1. — 957 с.
11. *Третьяков С. В.* Юридическая природа автономии воли в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 204 с.

Материал поступил в редакцию 10 октября 2017 г.

RESTRICTIONS ON THE AUTONOMY OF THE WILL OF THE PARTIES IN THE CHOICE OF APPLICABLE LAW IN ECONOMIC RELATIONS COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT

ROZHKOVA Ksenia Olegovna — Bachelor of Law of the Ural State Law University, Junior Lawyer of the Moscow Bar Association “Muranov, Chernyakov and Partners”
k.rozhkovaa@gmail.com
620137, Russia, Ekaterinburg, ul. Komsomolskaya, d. 21

Abstract. *The principle of autonomy of the will of the parties is the fundamental principle of private international law, as well as the basic, preferable, conflict-related linkage, which provides the parties to the legal relationship with complete and foreseeable legal regulation and relieves the court of the need to resolve the conflict issue directly alongside the legal problems that accompany it. Non-recognition of lex voluntatis by states is fraught with inhibition of the development of both the domestic and global economy, but at the same time the absence of restrictions on the private law principle will inevitably lead to dishonest behavior of economic operators, abuse of rights and violation of the balance of private and public interests in society. Sufficient limitations on the autonomy of the will of the parties in the choice of applicable law are necessary, which makes it possible to achieve the “golden mean” in the legal regulation of relations complicated by a foreign element. These limitations are a complex of time, spatial and content limits of the principle under consideration.*

Keywords: *lex voluntatis, principle of the autonomy of the will of the parties, choice of applicable law, freedom of the contract, limits of the autonomy of the will, criteria for choosing applicable law, time limits of the autonomy of the will, subsequent choice of law, spatial limits of the autonomy of the will, lex mercatoria, absolute and relative autonomy of the will, bypassing the law, creating the appearance of legitimacy, peremptory norms, public order.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Andreeva O. V.* Ob «avtonomii» voli v mezhdunarodnom chastnom prave // Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta. — Voronezh : Runa, 2013.
2. *Get'man-Pavlova I. V.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnik dlya magistrrov. — 4-e izd. — М. : Yurayt, 2013. — 959 s.
3. *Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / Alekseev S. S., Alekseeva O. G., Belyaev K. P. [i dr.] ; pod red. Gongalo B. M.* — М. : Statut, 2016. — Т. I. — 511 s.

4. *Zhil'tsov A. N., Muranov A. I.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: inostrannoe zakonodatel'stvo. — M. : Statut, 2001. — 896 s.
5. *Zykin I. S.* Teoriya «Lex mercatoria» // MChP. Sovremennye problemy. — M., 1994.
6. *Kanashevskiy V. A.* Mezhdunarodnye sdelki: pravovoe regulirovanie. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016. — 661 s.
7. *Komarov A. S.* Vybor primenimogo prava v kontraktakh s firmami kapitalisticheskikh stran // Torgovopromyshlennaya palata SSSR. Materialy seksii prava. — № 38. — M., 1988.
8. *Raape L.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. — M. : Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1960. — 607 s.
9. *Svetlanov A. G.* Kollizionnoe regulirovanie v sfere vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti // Zakon. — 1998. — № 7.
10. *Sukhanov E. A.* Rossiyskoe grazhdanskoe pravo : v 2 t. — M. : Statut, 2016. — T. 1. — 957 s.
11. *Tret'yakov S. V.* Yuridicheskaya priroda avtonomii voli v mezhdunarodnom chastnom prave : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2003. — 204 s.